

Это Харьков, детка!

Это нарезки из статьи «Люди с другой планеты» ([Валерий Тырнов](#))

Работал в Харьковском Физико-Техническом Институте АН УССР, Харьковском Высшем Военном Командном Училище ракетных войск. Уже “в наши дни” – в Харьковском Военном Университете и – по совместительству – во многих редакциях харьковских газет. 1990 – 1994 – депутат Харьковского областного Совета XXII созыва, председатель постоянной комиссии по гласности и средствам массовой информации. На этом романтика закончилась. С 2004 года – на пенсии. В последние годы практически прикован к постели.

И в этом положении Валерий Тырнов написал восторженную статью о физико-математическом Харькове, о людях, составивших его планетарную славу.

Какие громоподобные имена!

Академики **Лев Давыдович Ландау, Илья Михайлович Лифшиц, Наум Ильич Ахиезер, Александр Ильич Ахиезер;**

Профессора **Яков Борисович Файнберг, Сергей Натанович Бернштейн, Гершон Ихелевич Дринфельд, Яков Соломонович Шифрин, Александр Соломонович Компанец, Юрий Владимирович Гандель...**

Этих всемирно известных учёных Валерий Тырнов, стопроцентный славянин, упоминает с нескрываемым обожанием. Они для него – люди с другой, более развитой планеты.

Предоставим ему слово:

Люди с другой планеты

Весна 1960 года, апрельское утро. Одна из самых тихих в городе улица Чайковского...

Вот за этими окнами живет академик Александр Ильич Ахиезер... У него есть старший брат Наум Ильич, тоже академик, – он живет недалеко, на улице Фрунзе...

А если услышишь игру на рояле – это играет академик Илья Михайлович Лифшиц. Его окна – вот эти...

Илья Михайлович Лифшиц

Наум Ильич Ахиезер

Александр Ильич Ахиезер

Все они сыграли в моей (и не только в моей) жизни неоценимую роль, являясь высокими образцами для подражания и задавая уровень, к которому всем нам надо стремиться.

Если бы не они, мы были бы по-человечески хуже, если бы в молодости своей не ощутили на себе прямое или косвенное влияние этих людей,

бывших для нас не только преподавателями, но и Учителями с большой буквы, для которых Нравственный Императив был гласом свыше, и его невозможно было ослушаться.

Они определяли университетский тон, университетский стиль, сильнейшее университетское поле притяжения.

Ведь Учителю приходится, как артисту, в сотый раз повторять одно и то же, но так, как будто он в первый раз это говорит! И вот приходится читать, скажем, дифференциал. Он тебе уже поперек, но ты должен собраться и думать, что студент слышит это в первый раз, для него это первые от тебя сведения, ты должен отдаваться этому делу так, как будто бы ты сам тоже впервые это преподаешь.

Наум Ильич Ахиезер

Выдающийся математик современности, член-корреспондент АН УССР с 1934 года, профессор, заведующий кафедрой математической физики ХГУ, он был среди тех, кто представлял лицо харьковской интеллигенции и одновременно был одним из ее воспитателей.

О его математических работах существует целая литература, не очень доступная нематематику. Но чтобы читатель мог составить представление о масштабе его фигуры в мировой математической науке, достаточно сказать, что, когда в 1958 году проводился Международный математический конгресс с участием 1600 математиков мирового уровня, его организаторы заказали советским математикам всего 5 докладов.

В их числе был и доклад, заказанный Науму Ильичу.

Обаяние Наума Ильича покоряло любого, кто попадал в его сферу, внушая чувства, близкие к влюбленности. Потому что был он немыслим без математики и вне математики.

Он не мог бы стать в жизни, скажем, путевым обходчиком или генералиссимусом – только математиком. Он был культовой фигурой в математическом сообществе, скорее всего, прекрасно об этом знал, но относился к этому отстраненно, как будто это не он сам, а кто-то другой.

Еще задолго до войны в Харькове стояли Математический Институт, и первым его директором был **Сергей Натанович Бернштейн**, а когда он уехал, директором назначили **Наума Ильича Ахиезера**.

После войны институт преобразовали в Военную Радиолокационную Академию им. Маршала Говорова

В это же время развернулись работы по атомной бомбе, вся ответственность за которые лежала на Курчатове.

Ему нужно было создать математический отдел, который ведал бы всеми расчетами, связанными с бомбой. Когда он с кем-то обсуждал этот вопрос, жребий пал - на кого вы думаете? -- на Наума Ильича.

Он вызвал Наума Ильича и всячески его уговаривал вернуться в Москву, получить прекрасную квартиру, прекрасный лимитный паек

Но ничего из этого не вышло. Наум Ильич категорически отказался от его предложения. Он был пацифист и не хотел заниматься бомбой.

Почему прервалась его академическая карьера в Москве? Почему он не стал действительным членом АН СССР, а остался «только» членом-корреспондентом?

Скорее всего, дело было в том, что он категорически отказался от предложения высоко ценившего его И. В. Курчатова возглавить все математические расчеты по атомной бомбе.

И по тем очень непростым и просто страшным временам нужно было быть очень цельным человеком, чтобы голос начальства не заглушал в тебе голос совести.

Потом, уже в 60-х годах, он получил предложение баллотироваться в действительные члены АН СССР, но отказался от этой чести, рекомендовав вместо себя талантливого математика – С. М. Никольского, который по сей день живет и здравствует, перешагнув через возраст в 105 лет.

Недавно я прочел толкование слова «джентльмен», данное Бернардом Шоу.

Джентльмен, – это тот, кто кладет в общий котел больше, чем берет оттуда.

Когда я прочел это, то первым, кого вспомнил – и немедленно – был Наум Ильич.

Я не знаю, какое место отводил в своей жизни сам Наум Ильич факту, в связи с которым его помнят очень многие харьковчане,

– по его инициативе в городе была создана знаменитая физ-мат школа №27, ныне – лицей.

Может быть, и небольшое.

Теперь этот лицей стал одним из центров подготовки, я бы сказал, мировой научно-технической элиты.

Александр Ильич Ахиезер

Александр Ильич преподавал в радиотехнической артиллерийской академии имени Маршала Говорова и оставил в истории Академии заметный след.

Дело в том, что в это же время в Академию приехал сдавать экзамены фронтовик капитан Шифрин,

(ныне – заслуженный деятель науки и техники Украины, лауреат премии им А.С.Попова АН СССР, главный научный сотрудник ХНУРЭ, полковник в отставке, профессор).

Яков Соломонович Шифрин со временем сформировал в Академии выдающуюся кафедру антенн и распространения радиоволн.

Познакомились они на вступительном экзамене. Это был первый набор в адъюнктуру Академии.

Офицеры, приехавшие сдавать экзамены, в подавляющем большинстве были из действующей армии, прошедшие войну.

Если бы подходить к экзамену формально, то мало кто из сдающих мог бы успешно его сдать, ибо они имели довоенное образование и многое, естественно, забыли.

Прекрасно понимая это, Александр Ильич основное внимание уделял не выслушиванию ответов на билет, а выяснению того,

насколько абитуриент способен думать, хорошо ли он понимает физическую сущность явлений, как реагирует на дополнительные вопросы, т.е. обладает ли он качествами учёного.

И именно благодаря такому решающему участию Александра Ильича в работе приемной комиссии первый набор адъюнктуры оказался весьма удачным.

На лекциях Александра Ильича, вспоминает Я. С. Шифрин, господствовал творческий дух. Зачастую лекционный материал излагался впервые даже для лектора.

Но он и тогда в блестящей форме раскрывал сущность рассматриваемых им физических явлений, используя свою широчайшую эрудицию и педагогическое мастерство.

Присутствие на кафедре веселого, жизнерадостного, любящего шутку АИ в немалой степени способствовало доброжелательной кафедральной ауре.

“Я чрезвычайно благодарен судьбе за то, что она дала мне возможность быть близко знакомым и на протяжении полувека пользоваться неизменным благорасположением ко мне столь крупного ученого и замечательного человека, каким был Александр Ильич Ахиезер”, – завершает свои воспоминания Я.С.Шифрин.

Добавим ко всему этому, что фамилия **Ахиезер** встречается еще в Ветхом Завете. Говорят, целых семь раз. И в переводе на русский означает она – помощник.

Точнее, она состоит из 2 слов: «Ахи»= «Мой брат» и «Езер»= «Помошник», что по отношению в братьям Ахиезерам вдвойне справедливо. (В.Давидович)

Сегодня есть Фонд им. Н.И.Ахиезера, поддерживающий молодые математические дарования Харькова.

Его донором является американский (в прошлом – советский) математик Михаил Брин (отец куда более знаменитого сооснователя компании Google Сергея Брина),

которого Наум Ильич в свое время сильно поддержал, приняв к защите в Харькове его диссертацию в те времена, когда защищаться в Москве еврею было бы очень сложно.

Весной состоялось очередное заседание Фонда, на котором шести молодым математикам были присуждены годовые стипендии имени Наума Ильича Ахиезера.

Так что учил молодых людей Наум Ильич не только математике, но и джентльменскому отношению к жизни и к людям.

Недавно мы с друзьями (идея исходила от учившегося у обоих Ахиезеров доцента

Б.М.Минковича) решили проинициировать увековечение памяти Александра Ильича и Наума Ильича.

Как? Назвать их именем улицу. Сразу две улицы? Нет, одну. Это улица Братьев Ахиезеров. Они заслужили, чтобы теперь уже быть всегда вместе.

P.S. При написании этой статьи я беззастенчиво пользовался свободным временем и хорошим отношением адъюнкта Александра Ильича Ахиезера проф. Я.С.Шифрина и аспиранта Наума Ильича Ахиезера проф. **Ю.В.Ганделя**, за что им обоим моя глубокая благодарность.

Вот ещё раз все упоминаемые Валерием Тырновым , как цвет физико-математического Харькова, люди. Не правда-ли, несколько однообразные имена?

Илья Михайлович Лившиц

Наум Ильич Ахиезер

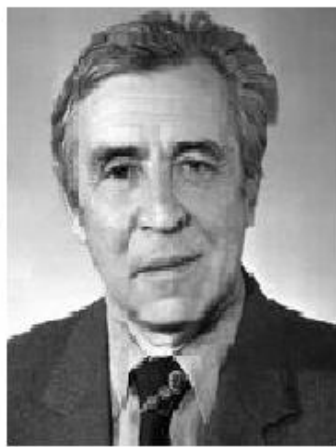
Александр Ильич Ахтезер

Лев Давыдович Ландау

*Яков Борисович
Файнберг*

*Яков Соломонович
Шифрин*

*Сергей Натанович
Бернштейн*

Гершон Ихелевич Дринфельд

Яков Соломонович Шифрин

*Александр Соломонович
Компанеев*

*Юрий Владимирович
Гандель*

Это Харьков, детка!

Часть вторая, личная

Ну, раз пошла такая пьянка, рискну вставить свои 5 копеек в эту складчину.

Мне повезло родиться в Харькове перед войной и более 50 лет (кроме 3-х лет эвакуации) прожить в этом замечательном городе.

В 1954 году мужские и женские школы начали сливать в один флакон. В итоге, нашу неразрывную тройцу после окончания 6 класса разлили в 3 разные школы.

Это вызвало бурный протест, и, отмучившись 7-й класс в «бабских школах», мы, дабы воссоединиться, дружно поступили в один техникум, куда тогда принимали после 7 класса.

Вот там я и начал сталкиваться с представителями точных наук.

Не думаю, что наш Харьковский Механический Техникум сильно отличался от других техникумов эпохи бдительности и борьбы с космополитизмом.

Общим было одно любопытное обстоятельство – преподавательский состав. В те годы в ВУЗы не брали преподавателей двух категорий:

с «неправильной пятой графой» (евреев, то-есть, если кто не понял) и «оставанцев».

«Оставанцами», если кто опять не понял, являлись довоенные преподаватели ВУЗов, доценты, профессора, кто имел несчастье остаться на оккупированных немцами территориях.

А если ты попал в одну из этих категорий, то нет тебе места в высшем образовании, это, брат, идеология.

Как говорил царь в сказке Л.Филатова «Про Федота-стрельца»: « Государственное дело - Ты улавливаешь нить?»

Нить была уловлена и эта публика подалась в техникумы. В результате уровень преподавания там превысил ВУЗовский. По себе знаю: мой, весьма сложный ХАИ (Харьковский Авиационный Институт, правда – вечерний)

я играючи закончил на техникумовском багаже. Всё новое, что я там узнал, уложилось бы в один семестр.

ВУЗа студентик, нам так тебя жалко.

Ты время теряешь, ты сам виноват:

Вот ты в 19 зубришь начерталку,

А мы в 15 уже знаем сопромат.

Но кое-чем, наш ХМТ всё-же выделялся. Его основал и курировал весьма авторитетный «Харьковский завод транспортного машиностроения имени Малышева»

Он-же "75-й завод"

Продукция прикрытия
Тепловоз

Основная продукция
Современный танк

Легендарный Т-34

Его официальное его название было вполне справедливым. И тепловоз и танк - это транспортные машины, что породило такой анекдот:

«Зачем мне личный автомобиль? На работу я езжу трамваем, в колхоз меня везут на грузовике, а когда мне надо за границу, - я сажусь в танк и еду.»

Благодаря своей численности (по слухам – более 40 тысяч), завод имел права райкома, но находился в ведении

таинственного «Министетсва среднего машиностроения», т.е. харьковскому обкому не подчинялся.

Это давало возможность не согласовывать кадровую политику с местной партийной властью. И завод и техникум этим пользовались .

Когда я на заводской практике посещал конструкторские бюро завода, был немало удивлён их национальным составом.

Даже руководителями дипломов в нашей группе были молодые заводские конструкторы **Яша Резник** и **Миша Вайсфельд**.

Конструкцию тепловоза нам преподавал наш классный руководитель - **Юрий Исаевич Гельфанд**, механику и сопромат - **Инна Израилевна Малкова**.

*Юрий Исаевич
Гельфанд*

*Инна Израилевна
Малкова*

Математику нам преподавал **Борис Хаимович Меламед**, физику – **Яков Соломонович Ривкин**, химию - **Марк Самуилович Лифшиц**, организацию производства – жена Юрия Исаевича **Тамара Марковна Гельфанд** (по кличке Тмарковна), экономику **Яков Ефимович Гольдштейн**, точность и взаимозаменяемость – **Ходорковский**, технологию металлов – в разных группах сразу два таких-же безродных космополита, фамилии которых уже не помню, даже физкультуру и военное дело – **Павел Карлович Гольдберг** (папа Карло) .

После техникума я поступил в Харьковский Авиационный Институт (ХАИ) , на вечернее отделение. (Отец погиб на фронте, мама моё дневное обучение не вытянет).

Казалось бы, полурезимный ВУЗ, вход только по пропускам, стратегическая тематика – всё должно быть идеологически чисто.

Но, не тут-то было.

Лекции по математике нам артистически читал профессор **Марк Соломонович Шун**, остроумец и всеобщий любимец. Молва списывала на него все наиболее удачные шутки.

Любому студенту было ясно, что « кто может это сказать, кроме Марка Соломоновича?»

Курс теоретической механики блистательно вёл профессор **Яков Лазаревич Геронимус**.

Начертательная геометрия доходчиво излагалась на лекциях профессора **Якова Иосифовича Невьяжского**.

*Яков Лазаревич
Геронимус*

*Яков Иосифович
Невьяжский*

Практические занятия по математике в нашей группе вёл тогда аспирант, а в будущем – профессор Университета **Житомирский**.

Параллельно с вечерней работой надо где-то обязательно работать. В моём случае этим «где-то» оказался институт ТеплоЭлектроПроект (ТЭП), тепломеханический сектор.

Начальником сектора был интеллигентнейший **Меир Давыдович Эпштейн**, в прошлом фронтовик, ныне блистательный инженер.

Меир Давыдович Эпштейн

Чудак

М. Д. Эпштейну

(Мелодия "Песенки про собаку Тябу" Дм. Сухарева и В. Берковского)

Цену турбины и котла
И сколько надо им тепла,
И марки топлива Донецкого бассейна,
И как работой дорожить,
И как на пенсию прожить
Никто не знает лучше старого Эпштейна.

Он много прожил, но сумел в итоге
Остаться жизнерадостнее многих,
Хоть многие на этом юбилее
Намного юбиляра зеленее.

Какие годы шелестят!
Его я помню в 60.
Мне повезло – я рядом был ещё 15.
И хотел бы наблюдать
Ещё хотя-бы 25
Его способность удивлять и удивляться.

Как хорошо, о боже мой,
Что он живой пришёл домой,
Пройдя суровую дорожкой фронтовой.
О нём молва судачит так:
Неописуемый чудак
Седой, как лунь,
А бескорыстие молодое.

Неправда, что обмены безыдейны.
Я первый обменялся бы с Эпштейном
Без горечи, без горя, без горячки:
Ему б мой век, я мне б его болячки.

Увы, бывают времена,
Когда криклива и дурна
В окно стучится злая дворничиха – старостью.
Она не любит чудаков,
Они её чужды глубоко,
Она твердит, что на земле их не осталось.

Нам дела нет до бабы бестолковой
С гнилою философией грошовой.
Такие, как она не понимают,
Что лишь Эпштейны землю украшают.

В. Давидович

ТЕПЛОЭЛЕКТРОПРОЕКТ, отдел ОКП-3

Харьков, примерно 1975 год. Восстановлено по памяти в Израиле в 2011 году.

Руководителями групп были – **Виктория Исаковна Мультман, Гесья Элевна Винарская, Наум Лазаревич Ахмечет, Эммануил Михайлович Виницкий**

Моим первым и самым любимым учителем была старший инженер Зоя Михайловна Стеклова, мой незабываемый кумир.

Кумир

Зое Михайловне

Зоя Михайловна Стеклова

Стекловой

моему первому старшему инженеру.

(Мелодия песни В.Соловьёва-Седова и С.Фогельсона

«Матросские ночи»)

И почётное
И хлопотное
Нам досталось ремесло:
Много тратится,
Мало платится,
Но с учителем повезло.

Припев:

К старту готова
Ракета в порту.
Подождите, я слово
«Стеклова»,
Как девиз, напишу на борту.

Дело верное
Инженерное
И Стеклова – наш кумир.
Где нам цепи брать,
Чтобы их терять,
А построим мы целый мир.

Припев

Коль начнут пытаться,
Захотят узнать
Кем я бредил наяву,
То, наверное,
Самой первою
Я Стеклову им назову.

Припев

Жив покуда я
Не забуду я.
Моей юности роман.
Кто чертёж прочтёт,
Кто поймёт расчёт,
Кто пошлёт меня в Ереван?

Припев

Рановато пусть, –
Виновата грусть, –
Я на пенсию хочу:
Буду снова я
Со Стекловою,
Отдыхать её научу.

Припев:

К старту готова
Ракета в порту.
Подождите, я слово
«Стеклова»,
Как девиз, напишу на борту

В.Давидович

ТЕПЛОЭЛЕКТРОПРОЕКТ, отдел ОКП-3

Харьков, примерно 1964 год. Восстановлено по памяти в Израиле в 2004 году.

Зато остальные никак не разнообразили скорбный список неправильных фамилий:

**Эсфирь Львовна Булгакова, Елена Михайловна Немировская, Александра
Исааковна Грановская...**

Под крылом Зои Михайловны я сначала чертёжником, потом техником и старшим техником проработал все 6 лет своей учёбы в ХАИ.

Потом меня переманили в только-только зарождающийся Вычислительный Центр.

Тогда это была группа из 5 инженеров и 3 девушек-операторов.

Своей ЭВМ не было, арендовалось машинное время на ЭЦВМ «УРАЛ-2», который был размером с небольшой крейсер.

«УРАЛ-2» обладал памятью в 4096 слов, быстродействием аж 5000 операций в секунду. Тогда это была фантастика.

Сегодня любой карманный во много тысяч раз мощнее, не говоря уже о настольных компьютерах.

Все были непростительно молоды. Самым старшим был руководитель группы, 29-летний **Яков Пейсахович Фельдман**.

Яков Пейсахович Фельдман

Сам Фельдман был великолепным инженером с задатками первокласного учёного. Он совершенно самостоятельно, без научного руководителя написал диссертацию. Защита прошла «на ура». (Знаю, присутствовал.) Ибо там был решён ряд интереснейших инженерных задач с привлечением очень красивой математики и программирования. ВАК* понял это не хуже меня. *"Но могучее это светило, к сожалению было еврей."* И диссертацию зарубили. Не соответствует, мол, профилю утвердившего её учёного совета Минского Политехнического (или Строительного – не помню) института.

*)- ВАК – Высшая Аттестационная Комиссия

Программировать нужно было в кодах Урала 2.

Об языках программирования тогда просто не знали.
Профессии «программист» в ВУЗах не было.

Яков пригласил профессора Харьковского Института Механики АН СССР **Бориса Яковлевича Кантора**

прочсть нам начальный курс программирования.

Он раскрыл нам не просто умение кодировать для ЭВМ инженерные расчеты, но умудрился заразить влюблённостью в эту новую тогда отрасль человеческих знаний

Эти качества очень намгодились во всей дальнейшей жизни.

*Борис Яковлевич
Кантор*

Фельдман внимательно следил, чтобы его сотрудники были «на уровне». Узнав о новых веяниях в строительной механике, он добился, чтобы руководство пригласило харьковского профессора **Бориса Исаевича Когана** познакомить нас с ними.

В одном из переывров между его лекциями, я похвастался ему, что в командировке в Ереване купил редчайшую книгу

«Архимед. Все сохранившиеся сочинания. Тираж – 3000 экз.»

«Принесите почитать» - попросил профессор. И не вернул, заявив «Мне она нужнее, чем Вам.»

*Лев Давидович
Ландау*

У некоторых ученых свои понятия о вежливости.

Как не вспомнить, что на кабинете **Льва Давидовича Ландау** в харьковском УФТИ (Украинском Физико-Техническом Институте), где он работал в 30-е годы, красовалась надпись: «Осторожно! Кусается!»

Яков Евсеевич Гегузин

Но другой харьковский учёный поступил с точностью до наоборот. Дело было так:

Очень давно я отдыхал в доме отдыха Верхняя Писаревка под Харьковом.

Сидел на скамейке и читал прихваченную в отпуск книгу.

Сядом села пожилая супружеская. Женщина поинтересовалась, что читает молодой человек.

Я повернул к ней обложку «Яков Гегузин. Капля»

«Ты посмотри, - обратилась она к мужу, - какие книги люди читают в отпуске вместо детективов.»

Я с жаром стал возражать, что это лучше даже Сименона. Автор - известный харьковский физик, профессор.

Написано прекрасным русским, читается, как приключенческая повесть.

К каждому разделу есть эпиграф из лучших поэтов. А речь идет о физике капли, имеющей, как оказалось,

связи и с обогащением руд, и со строением атома, и с астрономией и даже с квантовой физикой.

Мужчина взял в книгу в руки и вернул мне её с комплиментарным автографом и подписью

«С уважением. Яков Гегузин».

Вот такие у меня оказались пересечения. Видит Бог, я специально не подбирал фамилии. По переписи 1989 года в миллионном Харькове было более 100 тысяч евреев.

Это только тех, кто евреем записан в паспорте. А еще по крайней мере вдвое больше «полукровок», записанных русскими, украинцами и даже якутами.

Итого – больше 30%. А в сфере техники, физики и математики – чуть ли не половина.

Сейчас по моим оценкам в Харькове осталось около 10 тысяч евреев. Препней концентрации уже ожидать не приходится...

Перефразируя Н.В. Гоголя «Нэ той тэпэр Мыргород, Хорол-ричка нэ та», можно с сожалением сказать:

«Не тот уже Харьков и наука не та...»

= = В.Давидович, Израиль, 20.03.2019 = =